

По поводу суждений Валишевскаго о нашем расколѣ.

Въ числѣ новѣйшихъ Французскихъ историковъ, писавшихъ о Русской исторіи, послѣ Леруа-Болье и Рамбо, г-нъ Валишевскій одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ. Онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій, касающихся нашей исторіи: объ Іоаннѣ Грозномъ, о Смутномъ времени, о Петрѣ В., объ Елисаветѣ Петровнѣ, и всего болѣе о Екатеринѣ II-й. Въ прошломъ году вышла въ Парижѣ новая его книга: „Le berceau d'une dynastie“ (Колыбель династіи), трактующая объ исторіи трехъ первыхъ государей изъ династіи Романовыхъ. Въ ней, между прочимъ, затронуть вопросъ о происхожденіи Русскаго раскола, какъ объ одномъ изъ важныхъ событій времени царя Алексѣя Михайловича. Для знакомства съ исторіей нашего раскола мы не найдемъ здѣсь ничего новаго; но интересно узнать, какъ въ образованномъ Французскомъ обществѣ говорятъ о немъ, что знаютъ о расколѣ, въ какомъ направленіи о немъ пишутъ, какъ много сочиненій по Русской исторіи XVII в. сдѣлалось извѣстнымъ даже такимъ историкамъ, какъ г. Валишевскій, популяризирующимъ только, а не занимающимся болѣе серьезно и строго Русской исторіей? Г. Валишевскій на пятнадцати страницахъ своей новой книги, посвященныхъ библиографіи, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, приводитъ болѣе пятисотъ названій. Разумѣется, онъ пользовался книжными, печатными сочиненіями, находящимися въ отдѣлѣ Русской исторіи въ Національной Парижской библиотекѣ. Но этого было ему мало, и онъ имѣлъ еще подъ рукою частную богатую библиотечку г. Щукина, жившаго въ Парижѣ, недавно умершаго его друга. Тѣмъ не менѣе г. Валишевскій могъ съ трудомъ понять нашъ расколъ. Едва ли ему, какъ католику и не-русскому, приходилось видѣть во-очію послѣдователей раскола, изучать ихъ жизнь въ скитахъ и въ пустынныхъ мѣстахъ, знакомиться близко съ ихъ обычаями и нравами, съ этими обломками своеобразной Русской старины XVII в. А такого рода знакомство съ ежедневной жизнью раскольниковъ могло бы послужить для не-русскаго историка лучшею поправкою многихъ его хвалебныхъ книжныхъ разсужденій.

Г. Валишевскій знакомъ, хотя не въ равной степени, съ Русскими сочиненіями о расколѣ. Новѣйшіе труды по исторіи раскола Субботина и Каптерева ему извѣстны. Онъ можетъ заинтересовать насъ обычной Французскимъ историкамъ блестящей популяризаціей добытаго ранѣе другими учеными въ данномъ вопросѣ, даже не внося отъ себя лично ничего цѣннаго. Онъ не

первый въ Парижѣ берется за изученіе Русской исторіи. Какой же итогъ представилъ намъ г. Валишевскій по вопросу объ изученіи имъ раскола? Посмотримъ.

Отъ чего произошелъ расколъ? Г. Валишевскій не соглашается, какъ повѣствуютъ раскольники, что расколъ произошелъ отъ того, что Никоиъ съ своими справщиками, исправляя богослужебныя книги, самовольно отмѣнили двоеперстіе, сугубую аллилуію и другіе обычаи, составляющіе святоотеческое древнее православное преданіе, безъ котораго невозможно спастись; когда же люди древняго благочестія встали за это преданіе, Русская іерархія отлучила ихъ отъ своей испорченной, по мнѣнію раскольниковъ, церкви. Г. Валишевскій смотритъ на причины раскола глубже. Онъ болѣе склоненъ считать расколъ порожденіемъ невѣжества раскольниковъ, результатомъ ихъ узкаго пониманія христіанской истины, неумѣнья отличить въ ней существенное отъ формальнаго, обряды отъ содержанія. Но онъ не можетъ объяснить себѣ, какъ церковный обрядъ и буква Писанія получили такое преувеличенное понятіе въ глазахъ всей массы народа: для этого мало знать, что тому содѣйствовали однообразіе и неподвижность Русской жизни. Ему остались невѣдомыми такіа соображенія, такая логика раскола: если извѣстные обряды, освященные преданіемъ и стариною, получили у раскольниковъ неподходящее значеніе догмата, то авторитетъ іерархіи, освященный тоюже стариною, долженъ былъ бы ими признаваться тоже необходимымъ для спасенія, такъ какъ святые отцы безъ іерархіи не спасались; она необходима была для спасенія, какъ и сугубая аллилуія, какъ и движеніе. Почему же раскольники пожертвовали однимъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ установленій—іерархіею, для того, чтобы отстоять свое спасеніе; какъ они могли искать спасенія безъ руководства законной іерархіи, которую они отвергли? Кромѣ невѣжества, г. Валишевскій долженъ былъ бы признать за расколомъ, въ данномъ случаѣ, еще отсутствіе логики. Самое невѣжество раскольниковъ у г. Валишевскаго не разобрано съ подробностью. Онъ не знаетъ напр., что мнѣніе о причинѣ раскола въ невѣжествѣ его послѣдователей одностороннее и вызывало возраженія. Главные вожаки раскола, первые расколочители, были не одни же невѣжественные люди; напротивъ, для своего времени они были люди книжные, хорошіе начетчики, не хуже своихъ противниковъ знавшіе Писаніе, невѣрно только толковавшіе его. Если бы г. Валишевскій поближе былъ знакомъ съ настоящими раскольниками, не по книгамъ только, то ихъ міросозерцаніе, ихъ настроенность, враждебная Православію, ихъ логика, не плѣнили бы его; въ настоящемъ же пониманіи онъ не относится къ расколу отрицательно, не видитъ въ немъ многихъ темныхъ сторонъ, а напротивъ, относится съ сочувствіемъ. Не въ Православіи, а въ расколѣ, слѣдуя за Милюковымъ, онъ видитъ настоящую живую струю нашего религіознаго сознанія: расколъ прогрессируетъ въ области вѣры, а Православіе, отвернувшись отъ раскола, стоитъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ безъ развитія, безъ движенія. Въ Аввакумѣ г. Валишевскій признаетъ прямо апостола; онъ соглашается съ Аввакумомъ, что Морозова, Урусова и Денисова—святыя женщины. Аввакумъ, по его мнѣнію, послѣдній изъ эпическихъ бога-

тырей Владимира Святого, отражавшаго дикую силу на нихъ обрушившуюся; вокругъ Аввакума группируются, правда, не богатыри, а нищіе аскеты, юродивые, въ однѣхъ рубахахъ, босые и зимой, но эти люди вмѣстѣ съ нимъ совершаютъ подвиги равные подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Даже въ ссылкѣ, въ Сибири, Аввакумъ, въ глазахъ г. Валишевскаго, настоящій герой, равный героямъ Кортцу и Пизарро. Еще болѣе восторгается г. Валишевскій тѣмъ, какую роль сыгралъ женскій элементъ въ исторіи раскола. Морозова, Урусова и Денисова (жена стрѣleckаго полковника) являются для него примѣрами всего трогательнаго, всего страстнаго, всего легендарнаго, даващаго расколу ту силу, которую не могла побороть вся строгость преслѣдованія. Первые вѣка христіанства оживаютъ вновь въ исторіи этихъ женщинъ. Это три драгоценные камни, это святія мученицы нарождающейся новой христіанской общины, — далѣе такой похвалы некуда и идти. И только добровольное и общее сожженіе въ срубахъ фанатическихъ послѣдователей раскола, описанное г. Валишевскимъ въ ужасающей картинѣ, совершенное впервые въ 1672 г., охлаждаетъ его передъ расколомъ. Самъ г. Валишевскій называетъ такіе шаги глупыми, хотя, совершая ихъ, расколъ доказалъ тѣмъ свою могучую живучесть, которая его одушевляла (*En suivant à telles folies, le Rascol russe a prouvé la vitabilité puissante qu'il animait*).

Г. Валишевскій не считаетъ все же расколъ выраженіемъ одного невѣжества, хотя расколъ въ дѣйствительности народился среди людей большею частію невѣжественныхъ, настолько бѣдныхъ идеями, что дальнѣйшее его развитіе кажется даже непонятнымъ. Научныхъ знаній у раскольниковъ было очень мало, и протестъ ихъ противъ господствующей церкви получаетъ, по мнѣнію г. Валишевскаго, характеръ мелкій, ограниченный, узкій. Тамъ, гдѣ наука пустила болѣе глубокіе корни, на Западѣ напр., подобный протестъ бывалъ серьезнѣе, богаче идеями, касался напр. догматовъ о Св. Троицѣ, о божествѣ Иисуса Христа, или такихъ затрогивающихъ живой интересъ моментовъ, какъ папскій авторитетъ, а у насъ онъ не шелъ далѣе двоеперстія, борьбы за единую букву Писанія, и т. п. Замѣчаніе совершенно вѣрное, высказанное уже другими; напр. его могъ прочитатъ г. Валишевскій у Д. И. Иловайскаго (Р. И. т. V, 1905, стр. 339).

Причины раскола зависѣли болѣе не отъ невѣжества, а отъ политическихъ, соціальныхъ и интеллектуальныхъ современныхъ условій жизни. Это вѣрно, но какъ относится къ этой задачѣ г. Валишевскій?

Происхожденіе раскола онъ видитъ во многомъ, и, во-первыхъ, въ различіи Греческой восточной и Римской западной образованности, изъ которыхъ первая вліяла уже много вѣковъ на Русскую жизнь, а вторая, западная, только что начинала появляться. Въ XVI и XVII в.в. мы заимствовали съ Запада не науку, а военныя улучшенія, искусныхъ въ военныхъ упражненіяхъ солдатъ и офицеровъ, постоянныя войска. Въ наукѣ мы еще мало тогда нуждались и, сохраняя старину свою, до своихъ убѣжденій не позволяли дотрогиваться и пальцемъ. Но почему такъ? Г. Валишевскій, какъ защитникъ Западной образованности, мало входитъ въ положеніе наше, извиняющее нашу косность.

Ему должно было бы быть извѣстно, что какъ скоро Московское общество стало вкушать плоды западнаго образованія, имъ начинается овладѣвать раздумье, точно ли это образованіе настоящей пробы, лучшее ли оно сравнительно съ нашимъ, не грозитъ ли оно опасностью тому что цѣннѣе всякаго образованія. Стали указывать на Кіевскихъ монаховъ, учившихся въ западныхъ школахъ, на этихъ проводниковъ у насъ западной науки; стали говорить о нихъ, что не вполне они православные люди, что сами Греки, учившіеся въ Латинскихъ школахъ, испорченные Турецкимъ игомъ, дошли до уніи съ католической церковью и перестали быть для насъ образцами истиннаго благочестія. Вотъ почему западная образованность не пользовалась тогда особеннымъ расположеніемъ у насъ, а не потому, что мы были тупы и сторонились отъ науки. Наконецъ (о чемъ говорить и г. Валишевскій) у насъ было очень великое и преувеличенное понятіе о собственной образованности,—ученіе о Москвѣ, какъ о третьемъ и послѣднемъ Римѣ. Религіозная самоувѣренность наша воспиталась подъ вліяніемъ политическихъ успѣховъ православной Руси и подъ вліяніемъ политическихъ несчастій православнаго Востока. Греки измѣнили православной вѣрѣ и за то лишились своего царства, и Константинополь сталъ Турецкимъ владѣніемъ. Съ XV в. Русь считала уже себя единственной обладательницей и хранительницей христіанской истины; она признавала себя истиннымъ мѣриломъ истины, для нея идея вселенской церкви въ то время замкнулась въ тѣсные географическіе предѣлы одной изъ помѣстныхъ церквей. Таково было наше сознаніе того времени.

Выясняя соціальныя и политическія причины происхожденія раскола, г. Валишевскій говоритъ далѣе, что всегда была замѣтна въ Русскомъ государствѣ борьба между двумя теченіями, между анархіей, разъединеніемъ и силой сдерживающей порядокъ и объединеніе, силой централизующей. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича было тоже; борьба продолжалась, причемъ объединяющая, централизующая сила получаетъ перевѣсъ, преобладаніе. Въ духѣ объединенія въ области церкви помогаетъ царю и патріархъ Никонъ. Къ числу принятыхъ имъ мѣръ для порядка въ церковномъ мірѣ слѣдуетъ назвать не одно исправленіе богослужебныхъ книгъ, начатое до него и ведомое невѣжественными людьми, но и увеличеніе епархій, на которое Никонъ обратилъ свое вниманіе, построеніе новыхъ церквей, въ виду недостаточнаго числа прежнихъ, устройство новыхъ монастырей, и главное—улучшеніе нравственности среди духовенства, которое представляло иногда поразительные примѣры распущенности. Недостаточное число церквей и низкій уровень религіознаго и нравственнаго настроенія духовенства приводили вѣрующихся и ранѣе раскола къ исключенію изъ числа принадлежавшихъ церкви, потому что они не бывали за богослуженіемъ, за отдаленностью отъ нихъ церквей, и часто случалось умирали даже безъ исповѣди и св. причастія. Устройство новыхъ церквей и новыхъ монастырей требовало новыхъ и лучшихъ духовныхъ силъ, а взять ихъ было негдѣ. Никонъ не зналъ снисхожденія къ дурнымъ служителямъ церкви, наказывалъ ихъ строго, обращался съ ними даже жестоко, и эта строгая дисциплина образовала противъ него среди самаго духовенства много недо-

вольныхъ. Лишенные изъ за пьянства прежнихъ выгодныхъ мѣстъ духовныя лица переходили на сторону раскольниковъ. Раскольники же были и до Никона. Особенно не нравилось имъ вмѣшательство государства въ выборъ священниковъ приходомъ, а между тѣмъ такая мѣра была необходима, чтобы очистить духовенство отъ недостойныхъ его членовъ. Въ старину прихожане сами выбирали себѣ священниковъ, это было ихъ право, это желаютъ и теперь возобновить, когда условія жизни измѣнились къ лучшему сравнительно съ прежнимъ временемъ. Съ 1634 г. выборъ священниковъ шель болѣе строгій. Власть патріарха ограничивалась властью государства и, какъ новал, не успѣла еще получить надлежащій авторитетъ. Никонъ думалъ этого достигнуть, но не имѣлъ успѣха. Г. Валишевскій еще не знакомъ съ послѣдними изысканіями по этому вопросу г. Каптерева, къ сожалѣнію, еще не законченными. Главная мысль Никона, по мнѣнію г. Каптерева, не сосредоточивалась на исправленіи богослужебныхъ книгъ, которое болѣе интересовало не его, а царя Алексѣя Михайловича, а была обращена именно на разграниченіе власти духовной отъ свѣтской, при чемъ первой онъ желалъ дать перевѣсъ. Можно догадываться, что онъ мечталъ пріобрѣсти такую же власть, какую имѣлъ папа Римскій. Съ принятіемъ такого взгляда, самое разрѣшеніе вопроса о происхожденіи раскола получаетъ другое освѣщеніе. Статьи г. Каптерева о Никонѣ печатаются только въ нынѣшнемъ году въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, а книга г. Валишевскаго, заглавіе которой мы выписали выше, появилась въ прошломъ году. Государство, вмѣшиваясь въ дѣла церкви, получая перевѣсъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, еще менѣе, чѣмъ духовныя лица, обладало достаточными для того знаніями. Примѣромъ того можетъ служить, говорить г. Валишевскій, соборъ 1651 г., рѣшенія котораго признано было потомъ, въ 1666 г., несостоятельными и отмѣненными. Мѣстные обычаи, признанные на первомъ соборѣ жизненными, на второмъ такими не оказались, а между тѣмъ ихъ удержали раскольники. Для усиленія своего авторитета и для пополненія знаній и самому духовенству, даже высшимъ представителямъ его, многаго не доставало. Чтобы получить болѣе довѣрія со стороны своей паствы, мы видимъ, духовенство обращается къ помощи Греческихъ и Украинскихъ духовныхъ лицъ, но ни тѣ, ни другія уже не пользовались у насъ прежнимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Какою косою ни отличалась старина, раскольники стояли за нее: пусть ничто не измѣняется, не *varietur*, пусть все остается такимъ, какимъ было ранѣе. Это мы видимъ и въ позднѣйшее наше время. Всякія новшества имъ не по душѣ; они противъ того, что ново, хотя бы это новое было и полезное. Въ наше время даже (приводитъ такой примѣръ г. Валишевскій) когда минуло почти триста лѣтъ послѣ начала раскола, на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ запрещено употребленіе въ богадѣльнѣ желѣзныхъ кроватей, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, только потому, что это новость. Разложеніе церковнаго міра, распущенность духовенства и монаховъ, консервативное стремленіе удержать все старое и національное, ложно понимаемое чувство—все сложилось такъ, что народныя массы выступили въ XVII в. съ протестомъ противъ политическаго и соціальнаго строя. Протестъ принялъ

религіозный характеръ, потому что вся жизнь современныхъ Русскихъ, все умонастроеніе, все міросозерцаніе складывалось въ то время подъ покровомъ религіи. Протестъ шелъ противъ вводимыхъ церковью новшествъ, въ защиту того, что называлось „наша вѣра“ и противъ разлагающихъ явленій въ жизни служителей церкви. Исправленіе книгъ и старыхъ мѣстныхъ обычаевъ: пѣть аллилуіа не дважды, а трижды, совершать проскомидію не на семи, а на пяти просфорахъ, креститься не двумя, а тремя перстами, ходить въ крестныхъ ходахъ вокругъ церкви не по-солонь, а противъ теченія солнца,—послужило не причиною происхожденія раскола, а только поводомъ къ его обнаруженію. Расколъ сложился уже ранѣе, но онъ скрывался какъ во вновь открытыхъ монастыряхъ, которыхъ при новой династіи Романовыхъ открыто было до 250, такъ и въ тѣни густыхъ лѣсовъ, въ хижинахъ затерянныхъ здѣсь деревень, въ дальнихъ лѣсныхъ прогалинахъ Сѣверо-востока. На берегахъ Клязьмы, близъ Вязниковъ, монахъ Капитонъ, напр., въ своемъ убѣжищѣ основалъ безпоповщинскій толкъ, такъ какъ училъ не одному аскетизму, но и отверженію отъ церковной іерархіи, а это было въ 1650 году, слѣдовательно, раньше, чѣмъ возникъ расколъ при Никонѣ, въ 1666 г., послѣ соборной анаемы, положенной на раскольниковъ, раньше чѣмъ принялъ онъ опредѣленную фізіономію; ему предшествовали зародыши, какъ ученіе Капитона, а послѣ 1666 года выступили на сцену только болѣе дѣятельные и популярныя духовныя его ревнители.

Все должно итти по старому—вотъ идеаль раскольниковъ. Они отрицали потомъ ревизіи, подушную подать, воинскую повинность, употребленіе ружей, ношеніе галстуховъ, бритье бороды. Книги для богослуженія одобряются ими только напечатанныя при первыхъ пяти патріархахъ, въ которыхъ имя Іисусъ напечатано Іусуъ, и нѣтъ исправленій, введенныхъ Никономъ. Расколъ кладетъ запретъ на бѣсовскія зрѣлища, на танцы и маскарады, на музыку, на приобрѣтеніе чужихъ знаній, на все, что можетъ отвратить отъ чтенія отцевъ церкви.

Г. Валишевскій—дилетантъ въ изученіи раскола; его глава о происхожденіи раскола въ названной выше его книгѣ одна изъ слабыхъ. Нѣсколько блестящихъ очерковъ изъ жизни боярынь Морозовой и Урусовой, выходъ царя на церковную службу, одѣтаго въ бархатъ и парчу, осѣненного драгоценными камнями, въ сопровожденіи бояръ, поддерживающихъ его подъ руки, добровольное сожженіе раскольниковъ въ срубахъ, ожиданіе ими конца міра могутъ заинтересовать, какъ нѣчто новое, развѣ лицъ вовсе незнакомыхъ съ нашимъ расколомъ. Для г. Валишевскаго остается неяснымъ взглядъ Русскаго церковнаго общества XVII в. на участіе разума въ дѣлахъ не касающихся вѣры; онъ не объясняетъ удовлетворительно наклонность раскольниковъ доведенную до крайности въ сохраненіи обрядовой старины религіи; онъ не видитъ, что даже признаніе устойчивости народнаго характера въ консерватизмъ раскольниковъ переходитъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ расколомъ, въ явленіе болѣзненное и теряетъ свою цѣну. Г. Валишевскій не сумѣлъ отнестись къ расколу, какъ историкъ, безпристрастно. Его сбиль съ толку г. Милюковъ.

Николай Овсянниковъ.

